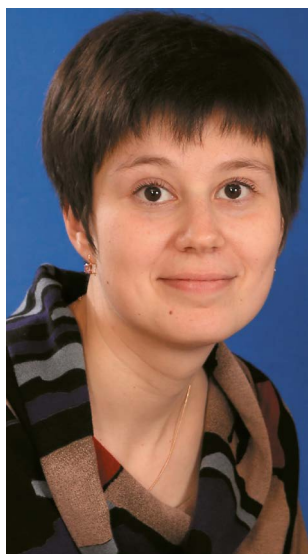

Реконструкция повседневной жизни Омска в 1941-1945 гг. (на материалах источников личного происхождения и периодических изданий)

*Блинова
Ольга Валерьевна,
к.и.н., ведущий научный
сотрудник научно-
экспозиционного и
выставочного отдела
истории ОГИК музея*

Повседневность города Омска накануне и в период Великой Отечественной войны представляет собою пласт материалов, ценных и информативных для специалиста, однако оказавшихся в тени исследований по истории тыла. Между тем информация, заключенная в источниках личного происхождения (мемуары), верифицируемая привлечением данных периодических изданий, дает значительный массив информации по истории города военного времени.

Большинство авторов воспоминаний проводит сопоставление жизни города до и после войны, указывая на серьезные изменения в жизни города, пришедшиеся на период 1941–1945 гг. Омск на момент начала Великой Отечественной войны представлял собой провинциальный город, расположенный в глубоком тылу. Он имел свой специфический облик, отличавшийся от городов Европейской России, что отмечали, например, эвакуированные, и имевший сходство с городами Казахстана. Население Омска на 1939 г. составляло 288 855 человек¹. Основу жизни региона составляло сельское хозяйство и большинство из 19 имевшихся на 1941 г. крупных предприятий работало на нужды деревни, обеспечивая ее необходимым сельскохозяйственным оборудованием (Сибзавод, завод «Красный пахарь») и занимаясь переработкой сельхозсырья (элеватор, мясокомбинат, кожевенные мастерские). Основным средством передвижения оставался гужевой транспорт. Появление на улице автомобиля вызывало несравнимо больший интерес общественности, нежели караван верблюдов, доставлявших товар на рынок. Значение животного в хозяйстве косвенно подтверждается многочисленными объявлениями в омских газетах о пропаже жеребят, ослов, лошадей, а также постановка на учет всего домашнего скота в первые дни войны наравне с автомобилями для возможной мобилизации его на нужды фронта. В большинстве своем застройка города деревянная, крупных каменных зданий было очень мало, в основном это были административные помещения. Как указывает исследователь А. И. Шумилов, анализируя состояние жилищно-коммунального хозяйства в Омске накануне и в годы войны, к 1941 г. кирпичных домов было 2,5%, комбинированных – 5%, деревянных – 64%. Остальные постройки были возведены из суррогатных материалов (земляные, насыпные и прочее)². Обеспечение города электричеством осуществлялось силами Первой ТЭЦ, выстроенной в 1921 г. Благоустройство города заметно уступало европейским городам

России. Из 934 км тротуаров благоустроенными можно было назвать не более 188 км, из них асфальтированными и покрытыми каменными плитами были только 7,4 км. Остальное покрытие было деревянным³. Основными способами проведения досуга было гуляние в городских парках и скверах (сад «Аквариум», расположенный недалеко от Первой ТЭЦ, Парк культуры и отдыха, Парк им. 30-летия ВЛКСМ) и посещение кинотеатров («Художественный», «Гигант», «Победа»). Популярность прогулок в лесопарковых зонах отчасти объяснялась потребностью в тени и свежем воздухе, недоступных в центре города, представлявшем собою степное пространство. Местный климат отличался частыми пылевыми бурями и постоянной взвесью песка в воздухе, что усугубляло летнюю жару.

22 июня 1941 г. было обычным воскресным днем, когда большинство жителей города отправилось за город или на прогулку в парк, где их и застало известие о начале войны. В Парке культуры и отдыха состоялся первый городской митинг, получивший широкое освещение в литературе. Дальнейшие события у большинства мемуаристов сливаются в некий единый хронологический период без внутренних событийных и социально-психологических градаций. Срабатывает ложная память, переносящая на конкретные события трафарет поведения, вынесенный из материалов, касавшихся Европейской России, прифронтовой полосы. «В садах прекратились пикники и праздники, смолкли звуки духового оркестра, появились очереди в магазинах, в Омск поехали эвакуированные (...) С приездом эвакуированных Омск преобразился. С проселочных улиц исчезли верблюды, ослы, появился автотранспорт в большом количестве»⁴. В реальности процесс перестраивания города на новый ритм занял долгое время и далеко не до конца завершился к концу войны. Нахождение в глубоком тылу, удаленность от источников информации относительно реального положения дел и опора исключительно на прессу предопределили достаточно легкомысленное отношение большинства населения к произошедшему в стране в первые месяцы войны. Вплоть до второй половины июля-начала августа в обществе преобладало несколько бравурное настроение, и информация о событиях на фронтах периодически перемежалась в сводках новостей на страницах «Омской правды» с местными происшествиями, борьбой с кулаками, удачными выступлениями омских футболистов в соревнованиях с другими сибирскими командами. В выпуске от 1 июля 1941 г. в разделе, посвященном омской тематике, вниманию читателей была предложена развернутая статья о премьере оперы «Травиата», поставленной артистами областной филармонии совместно с участниками коллектива самодеятельности обкома союза медиков⁵. Мероприятия такого рода были популярным явлением в 1930-х гг. В городских садах и парках продолжались ежевечерние гуляния, играл духовой оркестр, устраивались фейерверки. Нередко сбор с мероприятий поступал в фонд обороны.

Омск 1930-х – начала 1940-х гг. сохранил традиции дореволюционного военно-административного центра, сосредоточившего в себе целую сеть учреждений подготовки профессиональных военных. Из летних военных лагерей на фронт было отправлено несколько стрелковых дивизий. Нормы мобилизации в первые же дни были выполнены на сто процентов. Отклик на события на фронте появился в кинотеатрах, в прокат вышли фильмы на военную тематику. Совместно с ОСОАВИАХИМом военные отделы ВКП(б) отдельных районов Омска с первых дней войны проводили учения, прежде всего среди партийного актива и молодежи. В июле 1941 г. постановлением Совнаркома СССР было введено всеобщее обязательное обучение населения ПВХО (противовоздушная и противохимическая оборона), которое должны были проходить все мужчины и женщины в возрасте от 16 до 50 лет по месту работы, учебы и жительства. Были созданы команды, группы самозащиты, медико-санитарные звенья⁶.

Во многом эти занятия развили классические нормы ГТО (пробег на значительные расстояния, бросание гранаты и т.д.), дополненные военной подготовкой (изучение сборки винтовки, нагана, марш-разведка, ближний бой, женские санитарные дружины)⁷. Ощущалась острая нехватка преподавателей, наглядных пособий, противопогазов и макетов.

Настроение начало меняться с прибытием в Омск первых эшелонов с эвакуированными. Население города выросло в феврале 1942 г. до 349 800 человек, в январе 1943 г. до 413 400, сократившись несколько к концу войны (октябрь 1944 г. – 405 471 чел.). По сравнению с летом 1941 г. число омичей увеличилось к концу войны в два раза⁸. В город прибывали и требовали срочного размещения наркоматы, заводы, госпитали, учреждения культуры, частные лица. Насущно встала проблема бесперебойного размещения прибывших. Людей подсаляли в дома без учета сохранения личного пространства (до войны норма на человека составляла 3,2 кв. м, в период войны эта норма сократилась до 2,7 кв. м)⁹ на человека, заселяли в здания, расположенные рядом с местом работы (на предприятии), выселив предварительно прежних жильцов на окраину города или за город¹⁰. Столкновение в усложнявшихся с каждым часом социально-экономических условиях жителей центральных городов из западных районов СССР с населением глубоко провинциального города вызвало резкое нарастание напряжения. Любые осложнения бытовых условий, не возникавшие прежде, связывали с незваными гостями. Проблема оказалась настолько острой и была настолько на слуху, что нашла отражение в выступлениях клоунов на арене Омского цирка, ставшего на тот момент транслятором общественных настроений¹¹.

Первым признаком ухудшения положения в городе стали проблемы с хлебом. Его стали меньше отпускать в магазинах, нехватка продовольствия обусловила потребность в рыночных поставках. Именно рынок в годы войны стал центром городской жизни. Здесь можно было приобрести предметы первой необходимости (керосин, одежду, дрова) и пищу (прежде всего, картофель и муку, значение которых росло вместе с ценой на них). Как вспоминает эвакуированная в Омск из Ленинграда И. Пруссакова, «на базаре не только торгуют, там устанавливают свои моральные нормы, свои неписанные законы. Там иная наглядная мена ценностей. (...) У кого не было картошки, тот не мог поручиться, что увидит следующую весну, а главное, переживет бесконечную, безжалостную, ничем не согретую зиму. Торговали также хлебом, сапогами, семечками, сушеной и копченой рыбой – и тут же все это могло обмениваться напрямую, например, буханка хлеба – пакет махорки, ведро картошки – старые ватные штаны. Водку прятали. Но разливали тут же, под прилавком, не очень и скрываясь, особенно тогда, когда стали возвращаться раненые фронтовики»¹². Государство решало проблему обеспечения продовольствием населения путем введения карточек (с августа 1941 г.) и разрешением коммерческой деятельности в размерах, не допускавших прямой спекуляции (меры, отмененные в 1943 г. в связи с усугубившимся напряжением в поставках хлеба)¹³.

С осени с наплывом в восточном направлении эшелонов с эвакуированными и отправкой в западном направлении военных составов на фронт встала железная дорога. Значительная часть взрослого населения Омска, занятая в железнодорожной сфере, была мобилизована на работы по регулированию и поддержанию нормальной работы транспорта. Женщины, задействованные в этой сфере, покидали свои дома, оставляя детей на несколько месяцев. Складывается новое социальное явление: безнадзорные дети, фактически предоставленных самим себе в чрезвычайных условиях военного времени из-за чрезвычайной занятости родителей. «Мать, уезжая, предполагала, что печь будут топить квартиранты, которых нам тогда поселили во все комнаты, оставив нам одну. Но те

всегда были на работе (...) и мне ничего не оставалось делать, как топить печь самой – колоть дрова, долбить огромные комья угля (бурого), который практически не горел, да и дрова всегда были сырыми», – описывает свое детство жительница Омска Н. В. Толмачева¹⁴.

Огромное количество новых предприятий и учреждений, размещенных в Омске, потребовало переброску всех мощностей Первой ТЭЦ на них, и началась острая нехватка электроэнергии. Город погрузился во мрак. Основным средством освещения были не керосинки и не свечи, ставшие едва ли не предметом роскоши, а так называемые «коптилки»: «аптечный пузырек, в нем в керосине или каком-то сомнительном масле плавает хилый фитилек»¹⁵. Серьезную проблему стало представлять водоснабжение. В 1934 г. на одного омича приходилось по 21,3 литра воды в сутки при 63 литрах в среднем по СССР¹⁶. С первых дней войны были приняты все меры по увеличению мощности водопровода, реконструкции фильтровочного отделения. Однако переброска всей технической воды на нужды заводов сохраняла общую проблему дефицита воды в коммунальных услугах. В 1943 г. дефицит в снабжении был равен 26 895 куб. м, что привело к постоянным перебоям в водоснабжении даже ведущих заводов (авиационного №166, танкового №174, Электроточприбор №735, Сибзавода и других)¹⁷. Доля потребления воды жителями была сведена к минимуму. Выросли цены на коммунальные услуги, с 1942 г. появился военный налог, средства направлялись на нужды фронта.

Зимы 1940-х и прежде всего зима 1941 г. были очень суровыми. Топлива не хватало. В большинстве домов обогревались у «буржук», эвакуированные, размещенные в зданиях казенных учреждений, не имели и этого. Огромные помещения протопить практически не удавалось. Имеется информация о начале отопительного сезона и температурных нормах, устанавливавшихся на зиму 1944–1945 гг., когда коллапс первых месяцев войны был далеко позади. Отопительный сезон в 1944 г. начался с 20-х чисел октября. В качестве определяющего условия для его пуска устанавливалась температура в помещении ниже +12 градусов Цельсия. При этом топились только помещения, где пребывание людей было постоянным. В детских садах, школах и больницах температура в помещении не должна была превышать шестнадцать градусов. За экономией ставшего бесценным топлива строго следили¹⁸.

Ярким воспоминанием у всех, встретивших зиму 1941–1942 гг. стала городская елка, установленная на центральной площади им. Дзержинского. «На огромном каркасе укрепили десятки сосновых деревьев, обвили полученное гигантское дерево светящейся нитью из крашенных лампочек, каждая величиною с тыкву (...) А площадь окружили праздничными изваяниями – конечно, пограничник Карацупа¹⁹ с собакой, и пионер с горном, и летчик в шлеме – привычная мифология средней школы, тем и милая, что известная. И ребята в валенках с гиканьем носились среди белых статуй, играла музыка, снег кружился – шел праздник, праздник устроенный специально для нас, у кого дома не было не только праздника, но и просто родителей»²⁰. На ул. Ленина был открыт отдел новогодних игрушек, где оптом и в розницу можно было приобрести украшения для елок, продававшихся здесь же на площади²¹. Широкий размах, который приняло мероприятие, долгая подготовка к нему призваны были утвердить представление о грядущей победе и о стабильности на фронте и во внутренней жизни страны, расцветить будни города, жившего последние месяцы в очень напряженном положении²².

Следующие три с половиной года слились в воспоминаниях современников тех событий в единый очень тяжелый период без ярких особенностей. С весны 1942 г. ситуация аврального перехода города на военные рельсы

до возможной степени стабилизировалась. Проблема продовольствия решалась проведением периодических ярмарок, на которые колхозники свозили со всей области продукты и продавали их по рыночной цене. На предприятиях и для частных лиц проводится выдача городской земли под огороды. Засевались все свободные площади: дворы, пустыри, временно свободные от застройки участки. Территории закреплялись за людьми на срок не менее трех лет. Руководство заводов было обязано обеспечить людей необходимым рабочим инвентарем²³. Остро стояла и проблема антисанитарии, неизбежная при такой скученности населения и нехватке медицинского обслуживания. Опыт периода гражданской войны заставил принять ряд неотложных мер во избежание эпидемии тифа. Проводилась постоянная дезинфекция основных учреждений и предприятий, обязательная вакцинация населения, как взрослых, так и детей, и изолирование людей с первичными признаками заболевания. Проблема очистки улиц оставалась актуальной до последних дней войны. Показательным примером должного обустройства городского пространства выступила улица Республики (ныне ул. Ленина), и прежде всего Центральный городской сад. Учрежденный в 1941 г. в качестве основной культурно-досуговой зоны города, сад был тщательно подготовлен к новому летнему сезону 1942 г. На пространстве, отведенном под место отдыха, разместились кинотеатр, театр миниатюр, созданный по инициативе артистов-вахтанговцев для иллюстрирования основных политических событий, раковина духового оркестра, танцплощадка²⁴. Противопоставление Омска военного, с доминирующей ролью рынка, с наплывом деклассированных и уголовных элементов, с резким ростом преступности, грязью и антисанитарией Омску театральному, Омску центральных улиц, наглядно парадному, словно не знавшему войны, прослеживается во многих воспоминаниях. «По вечерам, когда за вход в парк уже надо было платить, там играл духовой оркестр, а по чисто выметенным аллеям прогуливались попарно девушки с валиком волос надо лбом и в блузках с плечиками. И тогда казалось, что никакой войны нет, вот только парней маловато... Но шаг шагнуть от этой нарядной прибранности – в уходящих вниз переулках, в бревенчатых, почерневших от старости домах, в холоде, в чаде коптилок теснились эвакуированные, кое-как распаханные по углам», – пишет И. Пруссакова²⁵.

В 1940-е гг. город пережил культурный взлет, близкий периоду гражданской войны. В эвакуации оказались ведущие представители театральной и эстрадной элиты страны. С концертами в Омске выступили джаз-банды Л. О. Утесова и Э. Рознера, известный исполнитель романсов В. А. Козин, медиум В. Мессинг, московский цирк с известным иллюзионистом Кио (Э. Т. Гиршфельд) и клоуном Карандашом (М. Н. Румянцев), постоянно работали здесь артисты Государственного театра им. Е. Вахтангова, театра «Ромэн». Возможность встречи в повседневной жизни таких звезд союзного уровня как А. Л. Абрикосов, Л. В. Целиковская, Ц. Л. Мансурова, Р. Н. Симонов неизменно вызывала восхищение людей и оставалась в памяти на долгие годы, отесняя в воспоминаниях повседневную историю быта на второй план. Экстраординарные условия, в которых оказалось население Омска в военный период, связанные с резким демографическим скачком за счет притока эвакуированных из центральных городов; индустриальный всплеск, не прогнозируемый при естественном ходе развития города даже в самых смелых планах пятилеток, рассматривались всеми как случайные явления, временные трудности, которые неизбежно уйдут с окончанием войны. Мирная жизнь воспринималась всеми исключительно в виде возвращения прежнего довоенного быта. Изменение лица города проходило у всех на глазах, но не оценивалось как нечто необратимое. Оценка происходящего пришла позже, в последние месяцы войны и послевоенное

десятилетие. Уже в январских номерах газеты «Омская правда» за 1945 г. в рубрике, освещающей постановления горкома партии, сообщается, что за прошедшие четыре года город получил серьезную подпитку извне общесоюзного уровня и превратился в развитый индустриальный центр. Такой ход событий предопределил политику администрации в отношении социально-экономического развития города, его благоустройства, обеспечения развитой инфраструктурой²⁶. Остро встал вопрос о жилищном строительстве. Город из деревянного стал кирпичным и многоэтажным. Вместо прежнего провинциального поселения возник крупный промышленный мегаполис с типичным для всех городов послевоенного Советского Союза обликом.

¹ Омск в годы Великой Отечественной войны // Энциклопедия города Омска. – Т. 1. – Омск, 2009. – С. 322.

² Шумилов А. И. Жилищно-коммунальное хозяйство города Омска в годы Великой Отечественной войны // Известия ОГИК музея. – Омск, 2005. – № 11. – С. 43.

³ Там же. – С. 44.

⁴ Толмачева Н. В. Детство, опаленное войной // Культурологические исследования в Сибири. – Омск, 2010. – № 1 (31). – С. 130.

⁵ Дневник искусств. «Травиата» // Омская правда. – 1941. – 1 июля.

⁶ Шевелева Л. В. Деятельность военного отдела Омского обкома ВКП(б) по организации тыла // Известия ОГИК музея. – Омск, 2005. – № 11. – С. 40.

⁷ Заметки // Омская правда. – 1941. – 15 июля.

⁸ Шумилов А. И. Указ. соч. – С. 43.

⁹ Говорящие не утомнились // Омская правда. – 1942. – 7 янв.

¹⁰ Омск в годы Великой Отечественной войны... – С. 383.

¹¹ Говорящие не утомнились // Омская правда. – 1942. – 7 янв.

¹² Пруссакова И. С. Как давно это было... // История в лицах. Театральный Омск разных лет. – Омск, 1995. – С. 15.

¹³ Энциклопедия города Омска. – Т. 1. – Омск, 2009. – С. 403.

¹⁴ Толмачева Н. В. Указ. соч. – С. 134.

¹⁵ Там же. – С. 11.

¹⁶ Шумилов А. И. Указ. соч. – С. 44.

¹⁷ Там же. – С. 45.

¹⁸ В исполкоме омского горсовета // Омская правда. – 1944. – 21 окт.

¹⁹ Карацупа Никита Федорович (1910-1994). Пограничник, Герой Советского Союза (1965). В 1932-61 гг. служил в пограничных войсках. Задержал и уничтожил свыше 450 нарушителей границы. (Большой энциклопедический словарь. – М.-СПб., 2001. – С. 497).

²⁰ Пруссакова И. С. Указ. соч. – С. 13-14.

²¹ Омская правда. – 1941. – 18 дек.

²² Поварницын А. Первый военный Новый год в Омске // АвтоОмск. – 2001. – 9 янв. – С. 19.

²³ Об индивидуальном огородничестве рабочих и служащих города // Омская правда. 1942. – 24 марта.

²⁴ В Центральном городском саду // Омская правда. – 1942. – 30 мая.

²⁵ Пруссакова И. С. Указ. соч. – С. 9.

²⁶ О мерах по улучшению городского хозяйства Омска // Омская правда. – 1945. – 3 янв.